

В. Н. Б а с и л о в

СИМВОЛИКА СУФИЗМА И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

(дополнения к статье И. И. Меликовой)

Статья И. И. Меликовой о «цветке страдания» интересна прежде всего тем, что в ней рассматривается редкая для нашей науки проблематика: образы средневековой мистической поэзии, тесно связанные с древними религиозными традициями. В своем исследовании И. И. Меликова опирается на сведения, почерпнутые в персидской и турецкой поэзии; Средняя Азия в статье почти не затронута. Между тем проведенный И. И. Меликовой своего рода литературоведческий анализ тесно смыкается с изысканиями отечественных (советских) этнографов в Средней Азии. Ее статья показывает, как важно в изучении какой-либо традиции в культуре народа или группы народов охватить по возможности более широкий круг явлений, не обходя вниманием и словесность — как фольклор, так и авторские произведения. Своими наблюдениями, относящимися к особенностям мистической поэзии мусульманского Востока, И. И. Меликова существенно дополняет этнографические данные о среднеазиатских празднествах цветов, которые привлекли внимание Е. М. Пещеревой, Г. П. Снесарева, О. А. Сухаревой. Она вводит в научное пользование круг фактов, имеющих несомненную связь с праздниками цветов.

Поэтические образы, символически выражавшие концепции суфизма: сердечные муки, палящий огонь любви, чаша вина, розовый сад, — были хорошо известны и в Средней Азии, причем не только в образованной среде. Профессиональные рассказчики мусульманских сказаний, маддахи, а также дервиши-каландары декламировали своим слушателям и стихи известных суфийских поэтов. Так, в Узбекистане каландары, придя на базар, исполняли духовные стихи с припевом: «Аллах мой, о друг!» (Оллоим, ой дуст!) В стихах с этим припевом воспевалось опьянение божественным вином, стремление к воссоединению с красавицей и страдания от разлуки с ней¹. Образ тюльпана украшал и стихи местных, среднеазиатских поэтов-мистиков. Так, любимый народом суфий Дивана Машраб (1640—1711), родом из Намангана, в своих стихах восклицает:

«...О, казни, но только, глянув, хоть на миг яви мне милость.
Крови ран моих — тюльпанов больше всех услад желая!»
«...По всей груди — соцветья ран, словно тюльпаны зрелые».
«...А на тюльпанах рдеющих не кровь ли ран видна?»
«...От мук любви — мой горький стон, в тюльпанах ран горит вся грудь...»².
«...Окрашивающий свою душу собственной кровью, я — сад, полный тюльпанов»³.

У ферганской поэтессы Дильшод/Барно (1800—1905) находим написанное в духе мистической символики стихотворение «Разговор с тюльпаном»:

Я желтый тюльпан спросила: «Что значит твой желтый цвет?»
«То ведомо лишь страдальцам, — услышала я в ответ, —
К чему вопрошать бездольных? Дстойней, поверь, смолчать.
Влюбленным сей мир — что стужа, их сердце во власти бед».
«Скажи мне, — я вновь спросила, — а красный тюльпан — твой брат?
В нем черная сердцевина, а ты желтизной одет!»
Тюльпан отвечал: «Он рдяный от крови, что сердце жжет,
А я пожелтел от муки, которой сильнее нет.
Тюльпанами мы зовемся, и оба горим огнем:
Но ярче, чем мука сердца, пылает красы расцвет.
И я потому с ним вместе в пустыне небития,
Что людям люб красно-желтый без острых шипов букет!..»⁴

Среднеазиатский материал подтверждает, что первоначально смысл слова *лалэ* был гораздо более широким, чем в близкий к нашему времени период. Похоже, что в Средней Азии не произошло того четкого разграничения в названиях тюльпана и мака, которое стало характерным для Турции и Ирана. О. А. Сухарева, изучавшая этот вопрос, сообщает: «Слово *лола* означает и тюльпан, и мак. В последнем случае [т. е. для мака.— В. Б.] название уточняется эпитетом: *лола-кызак* (с вариантами) или *лолаи духтари*; оба слова, узбекское и таджикское, имеют значение „девичий лола“»⁵.

Этому заключению не противоречат данные словарей. В «Русско-узбекском словаре» тюльпан — *лола, гуллола*; мак-самосейка (т. е. дикорастущий мак) — *лола-қ, изгалдоқ*⁶. В «Таджикско-русском словаре» *лола* — это тюльпан; степной мак; в «Русско-таджикском словаре» тюльпан — *лола, лолаи кухи* (т. е. горный тюльпан); мак (полевое растение и цветок) — *лола-қ, изалоқ*⁷. В «Туркменско-русском словаре» *лалэ* — полевой цветок (алого цвета); *лэлэ йыгмак* — собирать маки; *лэлезар* — цветущий луг; луг, усеянный маками⁸.

Помимо того, в Средней Азии еще в начале нашего столетия сохранялись интересные верования и обряды, связанные с тюльпаном, маком, розой.

В распоряжении исследователей очень мало сведений о месте этих цветов в народных обычаях Турции, Ирана, Афганистана. Более того, доступные материалы позволяют думать, что уже к рубежу XIX—XX вв. в этих странах архаика выветрилась из народных верований. Приведу пример из афганских легенд. Чудовищный дракон требовал от жителей целой округи человеческую жертву ежедневно; при этом он предпочитал нежную плоть юных девиц. Зять пророка Мухаммеда Хазрет Али решил сразиться с драконом. Когда дракон приблизился, изрыгая из пасти пламя, Али очертил своим мечом вокруг себя круг, и огонь превращался у его ног в красные тюльпаны⁹. Здесь можно усмотреть некоторую связь тюльпана с идеей смерти и возрождения, но легенда эту связь не разъясняет; по-видимому, в народной среде, где легенда жила, древняя символика была уже утрачена. Другая легенда повествует о чуде, случившемся с двумя юношами. Отец поместил их в пылающую печь, желая доказать «неверному» падишаху, что истинная вера спасет его сыновей от смерти. Когда спустя час дверь топки была открыта, оба юноши вышли из печи невредимыми; каждый держал в правой руке цветок нарцисса, который был вручен царю¹⁰. И здесь символику цветка можно реконструировать, но в народных верованиях она утрачена.

В противоположность этому в Средней Азии этнографами собран богатый фактический материал, который подкрепляет гипотезу о связи весенних цветов и розы с древним аграрным культом умирающего и воскресающего божества. На существование этого культа в Средней Азии в прошлом указывает, по мнению С. П. Толстова, мифический образ Сиявуша¹¹; в пережиточных формах умирающее и воскресающее божество, видимо, продолжало жить и в облике разных местных мусульманских святых¹². Е. М. Пещерева описала весенний праздник тюльпана (*Лола*) в селении Исфара (Северный Таджикистан), отмечавшийся и во многих соседних селениях. В первый день праздника собирали тюльпаны, украшали ими деревце и устраивали торжественное шествие с деревом. На второй день совершалось паломничество к местным святыням (*мазар*)¹³. Е. М. Пещерева высказала предположение, что истоки праздника «Лола» следует искать в мистериях, связанных с почитанием погибающего и возвращающегося к жизни божества природы. Собираение тюльпанов в окрестностях кишлака некогда означало поиски останков божества (такой обряд описан для древности китайским источником), а связывание тюльпанов в букеты и украшение ими дерева — соединение разрозненных частей его тела, предшествующее его воскресению¹⁴. Позднее О. А. Сухарева суммировала накопившиеся сведения (включая и ее собственные материалы) о праздниках цветов (*сайли гули сурх, қизил гуль сайли*) в различных областях Средней Азии и пришла к заключению, что праздник связан с разными цветами: тюльпаном, подснежником, маком, розой. «Самым главным был весенний праздник тюльпана или мака. Именно он был

непосредственно связан с культом весенней воскресающей растительности, отражал не только культ природы в его общей форме, но и развившийся на той же жизненно важной для земледельца основе культ умирающих и воскресающих божеств растительности»¹⁵.

Дошедшие до наших дней в пережиточном виде поверья, что красные цветы — это кровь убитого божества, подкрепляют такое предположение. Уже Дж. Фрэзер обратил внимание на связь культа умирающего и возрождающегося бога с некоторыми видами цветов: «...Считается, что алые анемоны расцвели на крови Адониса или окрасились ею... Считалось, что красная роза также обязана своим цветом печальному обстоятельству: спеша к своему раненому возлюбленному, Афродита наступила на куст белых роз, жестокие шипы вонзились в ее нежное тело, и ее священная кровь навеки окрасила белые розы в красный цвет»¹⁶. Связь цветка с кровью мифического персонажа представлена в греческой мифологии много шире (например, миф о Гиацинте, которого нечаянно убил Аполлон, попав диском ему в голову; там, где пролилась кровь, вырос первый гиацинт. Современные исследователи видят в Гиацинте древнее божество плодородия)¹⁷. Этот мотив (кровь — цветок), некогда связанный с живыми верованиями, сохранен и в традициях ряда современных народов. Так, по английским легендам, из пролившейся на землю крови убитого разбойниками святого Нектана выросли цветы (наперстянка, fox gloves); весной дети в ритуальной процессии обходят вокруг церкви, построенной на месте гибели святого, с букетами цветов в руках¹⁸. В Афганистане, в Мазари-Шерифе, где почитается могила халифа Али, бытовало поверье, что тюльпаны — это «кровь убитого Хусейна [сына Али], выходящая весной на поверхность земли»¹⁹.

Таким образом, можно думать, что символическое значение цветов, которым посвящена эта статья, берет свое начало в религиозной практике, отражавшей культ умирающего и воскресающего божества. Отсюда идет символика страдания и смерти, отсюда и иносказания, наполненные мистическим смыслом. Вероятно, постоянное обращение поэзии к рассмотренной здесь символике цветов подпитывалось соответствующими народными верованиями. Конечно, ничто не остается неизменным, и с течением времени названия цветов и связываемая с ними символика приобретали несколько иное значение, новые смысловые оттенки. Так, противопоставление тюльпана розе могло сложиться в суфизме, а не в отдаленной от нас древности. Однако основное символическое содержание оставалось прежним и при всех поздних переосмыслениях выражало одни и те же тесно соединенные друг с другом понятия: страдание, неутоленная любовная страсть, смерть. Нас не должно удивлять, что образы мака, тюльпана, розы нашли свое место в суфийской поэзии. Напротив, использование древней символики в мистической поэзии ислама представляется естественным и закономерным. Суфизм многое воспринял от традиций мистицизма, сложившихся задолго до ислама в культурах Средиземноморья, Передней Азии, Индостана, — религиозно-философские концепции, ритуалы, идею посвящения и объединения посвященных в замкнутые общины.

Мистическим образом, с незапамятных времен отождествленным с весенними цветами и розой, по логике культурной преемственности тоже было суждено продолжать свою жизнь в суфизме.

Примечания

¹ Троицкая А. Л. Из прошлого календаров и мадахов в Узбекистане // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 195—196.

² Машраб. Избранное. Перевод Сергея Иванова. Ташкент, 1980. С. 15, 71, 104, 121.

³ Дивана-и-Машраб. Перевод Н. С. Лыкошина // Средняя Азия. Кн. IV, год II, апрель. Ташкент, 1911. С. 56.

⁴ Зебунниса, Дильшод, Анбар-атын. Избранное. Ташкент, 1983. С. 78—79.

⁵ Сухарева О. А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX — начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 46. Общее название для разных видов цветов — древнее явление, следы которого обнаруживаются у некоторых народов. Так,

черногорцы «под именем ружи разумеют не только один цветок розу, но и цветок вообще». Для черногорца «ружа имеет двойное значение: частное и общее, служащее для обозначения цветка, которому специально названия не знает». См.: *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. LXIX. № 1. СПб., 1901. С. 473.

⁶ Русско-узбекский словарь (Под ред. Р. Абдурхаманова). М., 1954. С. 346, 884. Узбекско-русском словаре (Главный редактор А. К. Боровков, М., 1959) *лола* — это только тюльпан (С. 242).

⁷ Таджикско-русский словарь (Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенского; главный редактор Е. Э. Бертельс). М., 1954. С. 207; Русско-таджикский словарь (Под ред. А. П. Бехоти и Н. Н. Ершова; главный редактор Е. Э. Бертельс). М., 1949. С. 772.

⁸ Туркменско-русский словарь (Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева). М., 1968. С. 436.

⁹ *Hachin R., Kohzad A.-A.* Legendes et coutumes afghanes. Paris, 1953. P. 9.

¹⁰ *Ibid.*, P. 51—52.

¹¹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 202—205, 318—319.

¹² *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 209 и далее; *Басилов В. Н.* Заключение // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 196—200; *его же.* Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

¹³ *Пещерева Е. М.* Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфраа Кокандского уезда // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927.

¹⁴ *Пещерева Е. М.* Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. М., 1963.

¹⁵ *Сухарева О. А.* Празднества цветов... С. 41.

¹⁶ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 374—375.

¹⁷ *Stapleton M., Servan-Schreiber E.* Le grand livre de la Mythologie grecque et romaine. Paris, 1985. P. 163.

¹⁸ *Басилов В. Н.* Следы культа... С. 137.

¹⁹ *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927. С. 79.

Sufic Symbolism and Folk Beliefs

(a commentary to the article of I. I. Melikova)

The analysis of Persian and Turkish poetry, presented in the article of I. I. Melikova, could be supplemented by the ethnographic data on «flower rituals» in Central Asia. Spring flower rituals, especially those devoted to the tulip and poppy, are immediately related to the ancient agrarian cult of dying and resurrecting floral gods. The ritual symbolic is associated with anguish and death. These mystic symbols were adopted by sufism as a part of cultural heritage.

V. N. Basilov

© 1994 г. ЭО, № 6

Ю. В. Кнорозов

ШАМАНСКИЙ ЗИКР В ПОДЗЕМЕЛЬЕ МАЗЛУМХАН-СУЛУ

В 1946 г. я наблюдал *зикр* (суфийский по своему происхождению обряд) в исполнении шаманов. *Зикр* проводился в подземном строении (чилля—хона?), которое устная традиция связывает с именем легендарной красавицы Мазлумхан-сулу. И легенда, и краткое описание *зикра* приведены в моей статье «Мазар Шамун-наби»¹. Ниже дается подробное описание *зикра* (фактически воспроизведена с незначительными правками стилистического характера моя полевая запись от 19 сентября 1946 г.)². Это свидетельство очевидца, видевшего обряд около пятидесяти лет назад, может представить интерес для исследователей быта и в особенности религиозных традиций народов Средней Азии и Казахстана.